

В. А. Энтин⁴**«ОЦИФРОВАННАЯ» КУЛЬТУРА И АВТОРСКОЕ ПРАВО**

Имущественные права на произведения как своеобразная разновидность производных финансовых инструментов. Права на использование произведений, переходя из рук в руки, утрачивают связь с материаль-

ным миром. Они становятся уполномочивающим документом, имеющим настолько отдаленную связь с автором, что последний лишается возможности распоряжаться своим творением, а нередко даже использовать его. Автор перестает быть нужным и интересным для последующей эксплуатации произведения в той мере, в какой принадлежащие автору исключительные права отчуждены и не требуют его личного участия в творческом процессе. Исключительные имущественные права, став инструментом обеспечения финансовых платежей, самостоятельно участвуют в гражданском обороте.

Обособление имущественных авторских прав и культурная парадигма. Тектонические изменения в способах передачи и потребления информации вызвали далеко идущие последствия в культурной парадигме. Они стимулировали изменения правовых отношений между создателями и потребителями культурного продукта. Исключительные права на использование произведения, самостоятельно участвующие в гражданском обороте, ведут к отчуждению автора от результата его интеллектуальной деятельности. Будучи отчуждены от личности автора, исключительные иму-

⁴ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи)», «Роль адвоката в охране объектов интеллектуальной собственности: международно-правовой аспект», «Авторское право и смежные права в европейском праве», «Институт государства и права РАН» (в соавт.), «Закон о СМИ: на перекрестке веков» (в соавт.), «The Evolution of Media Landscape in Russia and CIS Countries: Legal and Regulatory Framework», «Средства массовой информации в политической системе современного капитализма» и др. Соавтор Закона РФ «О средствах массовой информации». Эксперт ЮНЕСКО по законодательству о СМИ и авторскому праву. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Гаага).

шественные права нередко превращаются в силу, враждебную самому автору.

Интернет-присутствие. Охраняемые авторским правом произведения присутствуют и имеют самостоятельную логику бытия в виртуальной реальности. Успехи технических и юридических средств защиты от несанкционированного использования в сети Интернет вызвали к жизни юридический феномен открытой лицензии, а также интернет-проекты специализированного и частичного онлайн-доступа к контенту поисковиков.

Перераспределение прав. Традиционно центральное место в отношениях между творцом контента и создателем культурного продукта занимало правовое регулирование распределения прав на полученные результаты интеллектуальной деятельности. Причем основным бенефициаром становился не создатель конечного продукта, предлагаемого потребителю, а тот, кто оказывался в той или иной форме причастен к коммерциализации полученного продукта. Увлечение охраной коммерческого результата, становление многообразных институтов гражданского общества, направленных на стандартизацию исключительных имущественных прав, на создание инфраструктуры монетизации указанных прав и представление коллективного интереса в сфере охраны исключительных имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, нарушило баланс между частным и общественным интересом.

Российская специфика. Ситуацию в Российской Федерации усугубляют механистическое применение положений ч. 4 Гражданского кодекса в купе с ложно понятым государственным интересом, когда статус федерального государственного унитарного предприятия (ФГУПа) позволяет нарушать права авторов и правообладателей, служит индульгенцией, снимающей ответственность за нарушение закона и невыполнение постановлений Правительства РФ. В этих условиях крайне важным представляется возвращение судам их особой роли инструмента тонкой настройки в сфере культуры, позволяющей учитывать многообразие и разнонаправленность интересов многих игроков, чья деятельность в сфере культуры служит общественному интересу.

Место в производственном конвейере. Ни для кого не секрет, что в силу занимаемой позиции в организации культурного бизнеса интересы тех, кто создает контент, — авторов произведений литературы и искусства, предназначенных для использования в составе сложного объекта в смысле ст. 1240 ГК РФ, а также переработчиков этих произведений, делающих возможным их применение в кинофильмах и иных аудиовизуальных произведениях, в театральном зрелищных представлениях, видеоиграх и другой мультимедийной продукции, в базах данных, — и интересы тех, кто его использует, расходятся. Контракты, заключаемые экономически неравными субъектами, нередко заставляют автора отказаться от принадлежащих ему прав, в том числе тех, которые законодатель считает неотчуждаемыми.

Соотношение закона и контракта при разрешении авторских споров. Нередко при рассмотрении возника-

ющих споров суды игнорируют дух и букву законодательства, ссылаясь на положения контракта, — тогда как автор, даже если он позиционируется в лицензионном договоре в качестве индивидуального предпринимателя, все равно выступает как творческая личность, чьим интеллектуальным трудом создается произведение. Иными словами, регулируемые отношения остаются в сфере действия авторского права, а не являются отношениями между хозяйствующими субъектами.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло». Наряду с этим намечается и противоположная тенденция. Под влиянием политической конъюнктуры, требующей ослабить давление санкций на внутренний рынок Российской Федерации, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13 февраля 2018 года № 8-П дал новую установку. КС заявил, что правоприменители, прежде всего суды, обязаны применять положения законодательства об интеллектуальной собственности не только исходя из их системной связи с основными положениями гражданского законодательства, но и в контексте общеправовых принципов равенства и справедливости, а также принимая во внимание вытекающие из этих принципов требования соразмерности (пропорциональности) и соблюдения баланса конкурирующих прав и законных интересов — частных и публичных (ст. 17, ч. 3; ст. 19, ч. 1, 2; ст. 55, ч. 3 Конституции Российской Федерации)». Логика рассуждений подвела суд к выводу, что действия правообладателя, занимающего особую (читай — дискриминационную) позицию в отношении российского рынка, могут сами по себе рассматриваться как недобросовестное поведение.

Технологическая смена вех. Удлинение сроков охраны авторских и смежных с ними прав на определенном этапе позволило обеспечить капитализацию инвестиций в культуру. Под влиянием возможности самостоятельного вывода на глобальный рынок отдельных полномочий автора в течение 70 и более лет после того как самого автора не стало, и их одновременного многократного использования на основании лицензий, сублицензий и агентских договоров произошел отрыв исключительных имущественных прав от объекта, в котором воплощается результат интеллектуальной деятельности. Это сделало возможным правомерное размещение объектов на различных платформах как в первоначальном, так и в оцифрованном виде, в различных режимах четкости и с разными потребительскими свойствами. Тем самым инвестиционная привлекательность культурной продукции перестает обуславливаться только длительностью сроков охраны. Теперь она поддерживается наличием многообразных платформ, обеспечивающих многократную параллельную доступность объектов, а также возможностью их дополнительной защищенной эксплуатации в базах данных, которые пользуются возобновляемой охраной sui generis, независимо от охраны содержащихся в них материалов авторским правом. Эти изменения делают анахронизмом существующий разрыв в сроках охраны авторских и смежных прав. Нужно ли все их охранять, как сейчас охраняют авторские права или как охраняют смежные, — это уже вопрос к экономистам, которые должны просчитать последствия такой унификации.